

тона, расстраивается. Моряк Жевакин, лейтенант в отставке, изнуряющий слушателей рассказами о том, как его эскадра стояла в Сицилии, во многом превосходит капитана 2-го ранга в отставке Ревунова-Караулова.

Контрастная гоголевская пара — Подколесин — Кочкарев — неожиданно получает отклик в пьесе «Иванов», где неспособному к действию Иванову противостоит беспокойный и неутомимый Боркин. И здесь тоже обнаруживаются переключки в деталях. В начале комедии Кочкарев подкрадывается к Подколесину и пугает его — «Пуф!». Подколесин, недовольный, упрекает его: «Сумасшедший! Ну, зачем, зачем... Ну, что за глупости! Перепугал, право, так, что душа не на месте» [4, т. 5, с. 15]. А пьеса Чехова начинается с того, что к Иванову подкрадывается Боркин с ружьем и пугает его. Иванов возмущается: «Миша, бог знает что... вы меня испугали... я и так расстроен, а вы еще с глупыми шутками» [6, т. 12, с. 7].

Обычно, говоря о таких героях, как Иванов, отчасти Платонов из первой, юношеской пьесы, исследователи отмечают в них гамлетические черты. И это справедливо. Однако наряду с шекспировской традицией существовала еще и гоголевская, игравшая, как это видно и по высказываниям, и по произведению Чехова, весьма активную роль. В этом свете не покажется неожиданным такое место в повести Чехова «Три года»: Лаптев, мучаясь накануне свадьбы, размышляет: «Не бежать ли? — Но, казалось, легче и приличнее было пустить пулю в лоб, чем бежать, бежать глупо и смешно, как гоголевский Подколесин» [6, т. 9, с. 368] (журнальная редакция).

Продолжая найденное его великим предшественником, Чехов переносит центр тяжести в развитии действия с внешних обстоятельств на внутренний мир героев. Герой «Скучной истории» рассуждает: «Когда мне прежде приходила охота понять кого-нибудь или себя, то я принимал во внимание не поступки, в которых все условно, а желания» [6, т. 7, с. 306—307].

Принцип неосуществляющегося сюжета с неожиданным финалом, когда вся затея, замысел, предприятие героев лопаются, как мыльный пузырь, — этот принцип, идущий от Гоголя, был усвоен не только Чеховым — автором водевилей. Отразившийся в «Иванове», он с новой, трагической силой развернулся в пьесе «Три сестры». Напряженность сюжета здесь связана не столько с тем, что происходит, сколько с тем, что не происходит: три сестры не едут в Москву, их брат Андрей не становится профессором Московского университета, женитьба Тузенбаха и Ирины не состоится и т. д., и т. п. вплоть до трагикомических недоотравлений жены Вершинина.

Как видим, миражная интрига имеет отношение и к произведениям с комедийной окраской, и с драматической, и с трагической. У Гоголя она проявляется в «Коляске», «Женитьбе», а также в «Ревизоре», «Мертвых душах». А у Чехова — в «Свадьбе», в водевилях, в «Иванове» и в «Трех сестрах». Речь идет о глубоко содержательной особенности — она дает себя знать в прозе и в драме обоих писателей; зарождающаяся в сфере комического, она проникает, как выразился Чехов, и в область серьезного. Ее первооткрывателем был Гоголь.

Среди высказываний Чехова о своем предшественнике находим письмо, в котором он говорит: «Боборыкин отмахивается обеими руками от Гоголя и не хочет считать его родоначальником Тургенева, Гончарова, Толстого... Он ставит его особняком, вне русла, по которому тек русский роман. Ну, а я этого не понимаю...» И далее Чехов отстаивает «точку зрения естественного развития», при которой явления рассматриваются в едином русле — «ибо все в природе влияет одно на другое» (А. С. Суворину, 30 ноября 1891 г.) [7, т. 4, с. 307—308].

В этих словах, исполненных истинно чеховской трезвости и глубины, — признание неотъемлемых заслуг Гоголя, без которого нельзя понять последующее развитие русской литературы.